

Непримиримость между психоанализом и феминизмом

Дмитрий Герчиков

*Независимый исследователь,
Тверской бульвар, 25к1
E-mail: dimagerchikov96@gmail.com*

Алиса Ройдман

*Независимая исследовательница,
Тверской бульвар, 25к1
E-mail: wonderderhill@gmail.com*

Непримиримость и обмен знанием между психоанализом и феминизмом

Аннотация:

Цель нашего исследования — изучить ситуацию в российском сообществе лакановских психоаналитиков с точки зрения их отношения к феминизму. В поисках ответа мы обратились к методу этнографического исследования: проинтервьюировали четырнадцать психоаналитиков, из которых было пятеро мужчин и девять женщин. Одиннадцать опрошенных

принадлежат к разным ответвлениям лакановской традиции (таким как школа Жака-Алена Миллера или Жана-Мишеля Вапперо, а также независимым последователям Лакана), одна из участниц определяет себя как кляйнианка. В попытке обрисовать наиболее полную картину и получить материал для сравнительного анализа, мы постарались включить в исследование не только статусных и опытных аналитиков, но и начинающих специалистов, а также тех, кто не обладает медийным статусом и в своей работе занимается преимущественно кабинетной практикой. В исследовании приняли участие: Ольга Бронникова (Москва), Александр Бронников (Москва), Мария Есипчук (Москва), Глеб Напреенко (Москва), Михаил Страхов (Москва), Айтен Юран (Санкт-Петербург), Виктор Мазин (Санкт-Петербург), Анастасия Охотникова (Москва), Нигина Шаропова (Москва), Майя Кугушева (Москва), Елена Костылева (Санкт-Петербург), Александр Смулянский (Санкт-Петербург) и Инга Метревели (Москва).

Методология и этический аспект

В сборе материалов задействованы некоторые из ключевых методов этнографического исследования — глубинное интервьюирование и партисипативное наблюдение. В использовании элементов этнографического исследования мы опирались на французскую методiku, подробно описанную в книге «Социологическое исследование» под редакцией Сержа Погама (Paugam 2012). Однако в целом статью нельзя целиком отнести к этому жанру, поскольку, сосредоточившись на проблеме политической позиции психоаналитика (на примере его отношения к феминизму), мы выборочно использовали сведения, полученные из рассказов респондентов, и задействовали также непосредственное комментирование теоретических аспектов конфликта психоанализа и феминизма.

По поводу этических аспектов исследования стоит отдельно отметить, что всем информантам было предложено несколько вариантов: остаться полностью анонимными, раскрыть свое имя, но не подписывать его под конкретными цитатами, либо подписывать имя каждый раз при цитировании. Также заранее оговаривалось, что материалы интервью будут использованы прежде всего для общего анализа, а любое цитирование будет согласовано с респондентом до публикации. Только один из ре-

спондентов решил участвовать на условиях полной анонимности. В итоге из концептуальных (описанных ниже) соображений и с разрешения респондентов мы не стали раскрывать имен в первой главе, тогда как в остальных главах имена при цитировании называются в зависимости от пожеланий авторов цитаты. Таким образом, мы попытались создать атмосферу, располагающую к доверительному и откровенному разговору, в условиях которой можно отдельно исследовать степень открытости респондента в зависимости от его позиции в психоаналитическом сообществе (о важности данного аспекта мы подробнее скажем ниже). Цитаты приведены точно, поскольку все респонденты согласились на диктофонную запись, к которой целиком имеют доступ только авторы статьи; каждое сокращение отмечено в тексте графически.

Описание сообщества и принципы отбора респондентов и респонденток

Несмотря на то, что лакановские аналитики разных школ из Москвы и Санкт-Петербурга принадлежат одному интеллектуальному полю (например, они могут проводить лекции и семинары на одних и тех же площадках, публиковаться в одних и тех же журналах), их узко-профессиональное взаимодействие (то есть предназначенное непосредственно для психоаналитиков, а не для более широкой аудитории) остается редким явлением. Второй тип взаимодействия позволяет выделять микросообщества, причем те из них, на которые мы обратили наше внимание, формируются вокруг лидеров, которых сами лаканисты, часто полуиронично, называют мэтрами по аналогии с отцами психоанализа (в отношении которых слово «мэтр» употребляется уже без иронии).¹

Переходя непосредственно к исследованию отношений психоанализа и феминизма, обозначим несколько важных пунктов. Несмотря на осведомленность о феминистском психоанализе, ориентированном лакановским учением, никто из опрошенных нами психоаналитиков не ставит его методики и теоретические

¹ Отметим, что в данном контексте слово «мэтр» не является общепринятым термином. Оно относится к неформальному языку отдельной группы психоаналитиков в России. Нам показалось релевантным использование слова «мэтр», поскольку оно рисует перед читателем специфику иерархии внутри этого сообщества: сопоставление ныне живущих аналитиков, имеющих большой символический вес, с Фрейдом и Лаканом производит иронический эффект, который при этом не устраняет эту иерархию.

наработки на первое место — всех респондентов объединяет то, что прежде всего они руководствуются трудами Лакана и Фрейда. Также всех этих психоаналитиков объединяет причастность к широкому интеллектуальному полю: близость не столько к закрытым академическим кругам, сколько к пространствам открытого гуманитарного высказывания (хотя и здесь обнаруживаются исключения, о которых мы расскажем ниже). Речь идет об уже упомянутых образовательных площадках и изданиях, которые служат для них точками пересечения. Все эти площадки относятся к среде, где принято положительное отношение к идеям феминизма.

Учитывая особенности психоаналитических сообществ, прежде всего мы сосредоточились на двух группах психоаналитиков из Москвы, которые раньше принадлежали к одному объединению, но затем разделились. Девять из тринадцати наших респондентов — участники этих двух микросообществ. Мы поговорили как с теми, кого условно можно отнести к лидерам или известным психоаналитикам, которые также являются публичными интеллектуалами, так и с их «последователями» или «обычными психоаналитиками» (такие обозначения изобретены нами для удобства. — *Прим. авт.*). Сообщество лаканистов имеет важную внутреннюю особенность организации: кроме того, что само оно собирается вокруг имен отцов-основателей, а группы — вокруг лидеров, публичных интеллектуалов, участники этих сообществ, особенно их ключевые фигуры, занимают разные позиции по отношению к школе Миллера (правообладателя интеллектуального наследия Лакана). Среди наших московских респондентов можно выделить позиции *принадлежности–принятия* и *непринадлежности–отторжения*. Позиция большинства петербургских аналитиков является скорее отстраненной, поэтому анализ материалов интервью с ними позволил нам получить более полную картину при проверке возможной взаимозависимости позиции по отношению к «внутриполитическим» вопросам психоанализа и позиции по отношению к таким внешним психоанализу политическим вопросам, как феминизм. Кроме того, для получения дополнительных данных по обозначенным нами вопросам, мы провели интервью с психоаналитиком кляйнианской ориентации — с остальными нашими респондентами ее объединяет принадлежность к интеллектуальному полю, которое не является узко профессиональной психоаналитической средой. Объем нашего исследования имеет свои ограничения. Наиболее обстоятельные выводы мы смогли сделать относительно московского сообщества, а также по поводу ситуации среди

российских лаканистов — публичных интеллектуалов, поскольку мы не стали привлекать к исследованию «обычных психоаналитиков» из Санкт-Петербурга, ограничившись описанным выше набором респондентов.

Сокращенный список вопросов, ответы на которые послужили основным материалом для данного исследования:

1. Как вы относитесь к феминизму? Знакомы ли вы с претензиями, которые предъявляли или предъявляют психоанализу некоторые феминистки? Что вы думаете об этих претензиях?
2. Считаете ли вы возможным примирение психоанализа и феминизма — с политической, этической или какой-либо еще точки зрения? Вас беспокоил когда-нибудь этот вопрос? Часто ли вы замечаете его обсуждение в сообществе? Как обычно выглядит обсуждение?
3. Какую позицию вы занимаете по отношению к набору конкретных политических практик, которыми занимаются феминистки в современной России и в мире? Например, пошли бы вы на митинг или стали бы публично высказывать свою позицию по поводу заинтересовавшего вас политического вопроса? Почему?
4. Существует ли, на ваш взгляд, проблема сексизма и гендерного неравенства внутри психоаналитического сообщества? Сталкивались ли вы с сексистским поведением со стороны пациентов или, может быть, коллег? Если да, как вы с этим справлялись?
5. Знакомы ли вы с феминистским психоанализом? Как вы к нему относитесь, и способен ли он внести отличие в способности мыслить различие полов? Возможно ли его применение на практике?
6. Как вы относитесь к утверждению Фрейда о том, что пол женщины вторичен, а сверх-Я не формируется к концу Эдипа, как у мальчиков?
7. Вы можете сказать, с какими проблемами женщины приходят чаще? Как вы в анализе обходите с жалобами на сексизм и столкновением с неравенством полов? Как может аналитик интерпретировать проблемы, которые, по мнению пациента, вызваны гендерным неравенством?
8. Существуют ли специфически женские проблемы, которые зависят не только от психической жизни пациентки, но и от общества в целом, несправедливого по отношению к женщинам? Представьте, что к вам приходит девушка с ярко

выраженным маскулинным поведением или радикальная феминистка. Вы будете считать это неким симптомом, или бредом, или сознательной надстройкой? Будете с этим разбираться в любом случае или в зависимости от обстоятельств?

9. Можете ли вы привести примеры случаев из вашей личной практики, когда симптомы пациентки были артикулированы в рамках патриархального представления о женственности и желания ему соответствовать? Как развивалась работа с такими случаями?

Вопросы сосредоточены в различных точках напряжения между психоанализом и феминизмом: гражданско-социальных аспектах, клинических случаях и теоретических проблемах. В рамках нашего исследования мы стремились понять, как психоаналитики относятся к феминистским идеям, насколько они осведомлены об истории взаимодействия двух дисциплин, а также как эти теоретические установки отражаются на клинической практике, преимущественно в работе с женщинами и женственностью. Кроме того, нас интересовала проблема несовпадения политической и психоаналитической интерпретации, когда речь заходит о таких вещах, как насилие. Также мы пытались узнать о личной инициации каждого аналитика в психоаналитическое сообщество, в том числе о возможном травматическом опыте, пережитом в рамках этого сообщества. Наконец, мы были нацелены на сбор материала о внутригрупповой динамике, негласных законах сообщества и месте женщины в ней. Конечной целью нашего исследования стала попытка на основе собранного материала, а также анализа некоторых теоретических посылок, точнее обрисовать тектонический разлом, пролегающий между психоанализом и феминизмом, и увидеть пути разрешения сложившейся конфронтации.

Несмотря на богатую историю конфронтации психоанализа и феминизма, начавшуюся еще при жизни Фрейда, мы решили опустить пересказ этих событий, так как он требует достаточно объемного изложения.¹ Сама дискуссия продолжается по сей день, в том числе и в России, однако большая часть многочисленной литературы на эту тему связана с обменом взглядами «изнутри» и теоретическими рассуждениями, построенным вокруг вопроса о том, является ли психоанализ этичным с точки зрения феминизма. Тогда как попыток анализа данного конфликта

¹ Об этом можно прочитать в книге «Введение в гендерные исследования» (см.: Жеребкина 2001).

не как исключительно теоретического спора, а как конфликта между двумя сообществами, где теория сама по себе не рассматривается как существенный фактор, существует мало. Рассмотрение вопроса с такой точки зрения не является популярным, поэтому оно не развито в литературе, посвященной сосуществованию психоанализа и феминизма. Среди немногочисленных попыток, существующих на английском языке, — исследования вопроса о психоанализе и политике как социологического вопроса о сообществе и его социальных практиках: статья «Оффлайн и онлайн медиатизация психоанализа в Буэнос Айресе», написанная Ксочтиль Марсили-Варгас (Marsilli-Vargas 2016), а также книга «Политики психоанализа: французская революция Фрейда», написанная Ширли Тёркл (Turkle 1978). Последняя анализирует ситуацию того времени, когда Лакан отделился от психоаналитического сообщества, получив статус *enfant terrible*, и его видение, с одной стороны, сделало психоаналитическое учение мультидисциплинарным, спровоцировав заимствование методов и теоретических конструктов, а с другой — получило оттенок провокации, дистанцируя лакановский психоанализ от психоаналитического и интеллектуального сообществ. В нашей статье мы, во-первых, пытаемся учесть этот исторический статус лакановского психоанализа и, во-вторых, перенимаем идею анализа ситуации в сообществе с точки зрения социологии знания, для чего мы также обратимся к «Истории психотехники» Валерия Олешкевича (2002).

1. От чего зависит мнение современного психоаналитика о феминизме и феминистском психоанализе? Анализ результатов интервьюирования.¹

Среди опрошенных нами психоаналитиков не нашлось ни одного, кто высказался бы резко против феминизма. Однако респондентов в соответствии с их отношением к феминизму можно разделить на **три группы**. В **первую** входят всего два человека — это психоаналитики, никогда не интересовавшиеся ни феминизмом, ни феминистским психоанализом. Они равнодушны к претензиям последнего, а по отношению к первому занимают индифферентную позицию, высказываясь ни «за», ни «против»:

¹ В данной части исследования мы приняли решение не указывать имена респондентов, поскольку личные высказывания здесь помещены в контекст нашей интерпретации. Мы хотим подчеркнуть, что она представляет нашу собственную версию анализа ситуации в сообществе, а не отдельных его субъектов.

Психоаналитик 1: *В каком смысле мне нужно ответить на вопрос про феминизм, и, самое главное, зачем это делать?*

— *Интересует ли вас феминизм в том смысле, что вы читаете книги, следите за определенными политическими событиями, насколько вы в него погружены?*

П1: *Поняла. Скорее всего, нет. Сразу могу сказать, что я отдельных авторов не читаю. То, что я могу подумать, чтобы от чего-то отталкиваться, — это тот же Фрейд и Лакан. <...> Феминизм я отдельно не изучаю и не выделяю, потому что мне это как психоаналитику кажется не совсем правильным.*

Вторая группа — это психоаналитики, которые симпатизируют как феминизму, так и феминистскому психоанализу. Они приветствуют критические доводы феминистских авторок и пытаются использовать их теории в аналитической практике, при этом не отказываясь от большинства фрейд-лакановских концепций.

П2: *Мне очень близок феминизм... Более того, для меня Лакан и Деррида — это одни из авторов, благодаря которым современный феминизм во многом существует; Джудит Батлер — одна из моих любимых авторов. <...> Психоанализ ведь почти с возникновения шел рука об руку с феминизмом.*

Тем не менее только что процитированный респондент, как и большинство других представителей данной группы, склонялся к тому, что феминистки, обвиняющие психоанализ в патриархальности и фаллоцентричности, просто не очень хорошо его поняли.

В **третью группу** вошли участники, которые не выступают против феминизма в целом, но склонны критиковать некоторые его аспекты, касающиеся феминистских интерпретаций полового различия. Также эти респонденты скептически настроены к идеям феминистского психоанализа, пытаясь выделить как в нем, так и в самом феминизме симптом. Например, один из участников интервью высказал идею о том, что одним из эффектов феминизма может стать специфическим образом понятое отчуждение:

П3: *Тупик современного дискурса, в том числе некоторых течений феминизма, в том, что он как раз уничтожает женственность, потому что он направлен на уничтожение разницы. Мы получаем, в конечном итоге, то завоевание женщины, к которому*

она идет. И это будет заключаться не в доступе к чему-то, к чему в противном случае не было бы доступа, а наоборот. То есть, когда ставится равенство между женщиной и мужчиной, женщина становится в еще большей степени отчужденной. <...> То есть феминизм может быть новым неврозом, вытесняющим женственность.

Мы также заметили, что наши респонденты понимают взаимоотношение психоанализа и феминизма как частный случай более широкой проблемы взаимоотношения психоанализа и любого политически ангажированного дискурса. Исходя из своего принятия или непринятия феминизма и его теоретического извода, они по-разному относятся к гражданской повестке. Зачастую аналитикам кажется, что артикулированная гражданская позиция¹ станет препятствием на их поприще. В нашем разговоре неизбежно всплывала эта проблема, и волей-неволей каждый отвечающий касался ее, предлагая свое решение.

Психоаналитики из второй группы, которым близка феминистская мысль, считают, что они могут свободно выражать свое гражданское мнение.

Респонденты из третьей группы, напротив, с недоверием относятся к выражению аналитиком его политической позиции. Этим опрошенным, конечно же, свойственна определенная социальная рефлексия, но в ней они стараются занять метапозицию — проинтерпретировать те или иные значимые события общественной жизни через теорию, вместо того чтобы занять ту или иную сторону в конфронтации политических сил. Однако одна респондентка из третьей группы, определенно имеющая точку зрения на политику, отказалась отвечать на какие-либо личные вопросы. Интересно, что ее гражданскую позицию нельзя обозначить как нейтральную, при этом респондентка в буквальном смысле скрывала свое мнение. То есть в ее случае идентичность психоаналитика препятствует становлению других идентичностей, а именно политических.

Другая черта, отличающая вторую группу от третьей, заключается в принятии или непринятии одной из идей Фрейда, которую сегодня можно прочесть как довольно мизогинное вы-

¹ Подробнее о том, как устроен вопрос о гражданской позиции аналитика внутри самого психоаналитического дискурса и о мнении некоторых российских психоаналитиков (также вошедших в ряды наших респондентов) по поводу теоретических и практических нюансов, возникающих в связи с этим вопросом, можно узнать из подборки интервью «Психоаналитик не активист», сделанной Никитой Архиповым и опубликованной в выпуске журнала «Разногласия» № 13 — «Вечные ценности».

сказывание. Нам удалось выявить этот аспект, исходя из цитаты, которую мы предложили прокомментировать некоторым интервьюируемым. В уже упомянутой статье «Некоторые психические следствия анатомического различия полов» Фрейд пишет следующее:

Я говорю об этом неохотно, но не могу отделаться от мысли, что нормальный уровень нравственности у женщины — иной. Сверх-Я никогда не будет столь неумолимо, столь безлично и столь независимо от своих эффективных источников, как мы этого требуем от мужчины. Характерные черты, которые критика издавна ставила в упрек женщине, что она менее способна испытывать чувство справедливости, нежели мужчина, что она менее способна подчиняться настойчивым жизненным потребностям, что она в своих решениях чаще руководствуется нежными и враждебными чувствами, — эти характерные черты находят себе достаточное обоснование в вышеприведенной модификации образования сверх-Я (Фрейд 1925).¹

Четверо представителей второй группы допустили, что Фрейд мог ошибаться, тогда как психоаналитики третьей группы настаивали на более сложном, а именно лакановском, прочтении отрывка, которое, по их мнению, уже не имеет отношения к сексизму:

П4: Вы знаете, я не могу усмотреть в этой фразе некий сексизм. О чем идет речь? На этот вопрос можно ответить с двух точек зрения. С одной стороны, надо понимать, что Фрейд вписан в ту культуру. И случай Доры, где Фрейд выступил как раз в этом моменте в качестве субъекта знающего... Потому что, как скажет Лакан, Фрейд знал, кого может желать Дора, будучи «хорошей девочкой». И то слепое пятно, которое задано культурально... С другой стороны, читать эту фразу можно как? Как об особом расположении субъекта в женской и мужской позиции в символическом порядке, расположении по отношению к нехватке. Я позволю себе процитировать Лакана. Он говорил о восходе эдипа, о разрешении эдипа. <...> Это момент, когда у субъекта намечается особое расположение по отношению к нехватке: ребенок может

¹ В своей статье Фрейд делает следующие выводы: если у мальчика завершается эдипов комплекс и образуется Сверх-Я одновременно с отказом от материнского объекта, то девочка после отказа от матери инвестирует отцовский объект, а эдипов комплекс изживается чуть ли не всю оставшуюся жизнь. По этой причине сверх-Я женщины оказывается менее сформированным.

признать, что он не имеет того, что имеет. И, напротив, не имеет того, что не имеет.

Здесь в качестве примера мы привели слова психоаналитика, которая старается вообще не выражать гражданскую позицию в публичном пространстве, а в интервью сильнее, чем все остальные, оградилась от ответа на какие-либо личные вопросы. Выделяя общие черты ее ответов и ответов остальных представителей ее группы, мы можем отметить, что тогда как сложность лакановского прочтения интересует всех психоаналитиков, именно для представителей последней группы эта сложность становится чем-то, что снимает возможные упреки в сторону психоанализа со стороны гражданского дискурса. Психоаналитики данной группы избегали разговора о возможных ошибках в лакановской или фрейдовской теории. Таким образом, анализируя полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что у психоаналитиков, с которыми мы поговорили, прослеживается взаимозависимость критических установок по отношению к психоанализу и возможности выражения гражданской позиции. Чем больше свободы обращения с теорией и ее критики позволяет себе психоаналитик, тем более возможным для него оказывается присутствие его речи в области политического.

Возвращаясь к интервью последней процитированной респондентки, нам также кажется важным принять во внимание герметичность ее речи. Участница стремилась отвечать пассажами из лакановской теории на все вопросы, в том числе заданные не из области психоанализа и касающиеся личных и политических аспектов. Здесь мы имеем дело не просто с частным случаем некой закрытости, но с иллюстрацией недоверия, свойственного некоторым представителям психоаналитического дискурса. Это недоверие, в свою очередь, позволяет задуматься о проблеме изолированности психоаналитического дискурса (которую мы подробно рассмотрим в следующих частях) и с других точек зрения. Так, со стороны некоторых респондентов мы встретились с неприятием публичной деятельности некоторых коллег по цеху, и причина в одном из случаев была охарактеризована так: «Аналитик должен обращаться только к аналитикам» (а не заигрывать со всеми остальными).

Чтобы подвести итоги данной части исследования, отметим, что среди дополнительных факторов, которые могли бы повлиять на отношение психоаналитиков к феминизму, мы выделили экономическое положение, возраст, пол, а также образование вместе с принадлежностью к другим интеллектуальным сооб-

ществам. В плане социально-экономического положения между респондентами не обнаружилось больших различий, за исключением их положения в интеллектуальном и психоаналитическом сообществе, что мы постарались учесть и о чем скажем ниже. Возраст, который у наших респондентов варьируется от 27 до 64 лет, не оказался важным фактором. По этому поводу стоит отметить, что ситуация могла бы быть иной, если бы наше внимание распространялось не только на лакановских аналитиков, которые не существуют в такой тесной связи с интеллектуальным полем, чувствительным к этике феминизма. Пол в целом также не оказался определяющим фактором, за исключением вопроса о сексизме в психоаналитическом сообществе: участники независимо от пола готовы были признать возможность его существования, однако только некоторые из женщин могли привести примеры. Образование же вместе с принадлежностью к определенным академическим кругам оказалось существенным. Так, все наши респонденты и респондентки имеют высшее образование, но тогда как у половины из них оно исключительно психологическое, другие, наряду с психологией или же вместо нее, получали образование в области философии и искусства. Соответственно, стоит учитывать, что некоторые из психоаналитиков также относят себя к интеллектуальному сообществу, в котором важно положительное отношение к феминизму (мы не утверждаем, что так устроено все интеллектуальное поле в России, однако так устроена среда, о которой сообщали наши респонденты). Немногие респонденты из третьей группы, не будучи непосредственно связанными с академической, философской и арт-средой, тем не менее имеют тесные связи с людьми, которые к ней принадлежат.

Учитывая значимость последнего фактора, стоит подробнее — с точки зрения истории — сказать о специфическом положении, в котором лакановский психоанализ оказался по отношению к интеллектуальному дискурсу. Согласно замечанию Олешкевича, предложенный Лаканом лозунг «Назад к Фрейду» является реакцией на своего рода размывание границ психоаналитической теории, которая проникает в другие дискурсы, идеологизируясь, политизируясь, превращаясь «в средство критики общества, в идеологию сексуальной революции» (Олешкевич 2002: 106). Это наблюдение кажется нам ценным, и хотя автор книги далее утверждает, что за поворотом последовало обращение психоанализа «в себя», мы не хотели бы целиком соглашаться с этим утверждением. Следует отметить, что возвращению к Фрейду сопутствует новое сближение с интеллектуальным дискурсом,

выражающееся, с одной стороны, во внимании, которое уделяет Лакан философии и, во-вторых, в новой волне интереса к психоанализу со стороны интеллектуалов, о чем пишет, например, уже упомянутая нами Ширли Тёркл (Turkle 1978). Эта амбивалентность передается и сообществу российских лаканистов, и именно с ней, по нашему мнению, связана возможность для одних и тех же психоаналитиков поддерживать феминизм, игнорируя при этом его претензии по отношению к психоанализу или попытки создания феминистского психоанализа.

2. Как психоаналитики обходятся с ситуацией гендерного неравенства и с жалобами пациентов на него?

2.1. Понятия «женственность» и «патриархат» с точки зрения психоанализа

Одна из фундаментальных точек расхождения психоанализа и феминизма лежит в таких понятиях, как «женственность» и «женское». Сильно обобщая, можно сказать, что если современный феминизм, наследуя теории перформативного гендера Джудит Батлер, понимает женское как подвижную гендерную модель, опосредованную властными отношениями,¹ то психоанализу скорее ближе понимание пола как означающего, то есть знака.² Отметим также, что в психоаналитическом дискурсе имеет место понимание женственности как «маскарада» (Rivière 1929), то есть идея о том, что женственность непрестанно разыгрывается. К этой концепции несколько раз возвращается Лакан, например, он прибегает к ней в ее в статье «Значение фаллоса», а также при интерпретации клинического случая в семинаре «Образования бессознательного», которого мы коснемся ниже.

При этом большую дискуссию вызвали утверждения Лакана, что «женщины, как таковой, не существует» или что женщина дана «не-вся», то есть женский субъект «не поддается обобщению, даже фаллоцентрическому обобщению» (Лакан 2011: 77),

¹ В статье «Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар» Джудит Батлер определяет гендер как «стиль, способ существования тела, наше собственное представление о теле как о культурном знаке», а также утверждает, что «гендерная идентичность управляется определенным набором строгих табу, условностей и законов» (Батлер 2005б).

² Лакан в статье «Значение фаллоса» пишет: «Лишь на базе клинических фактов дискуссия может вестись плодотворно. Они свидетельствуют об отношении к фаллосу, устанавливаемом без оглядки на анатомическое различие полов (...). Фаллос есть особое означающее, чья функция в интрасубъективной экономике анализа может, вероятно, приоткрыть вуаль, которой он покрывался в мистериях. Ведь это означающее» (Лакан 2010).

его нельзя представить как общность или некую универсалию, в отличие от субъекта мужского. Американская лингвист и философ Андреа Най так прокомментировала его воззрения: «По Лакану, женщины не имеют стабильного места в символическом порядке, структурированном вокруг присутствия Фаллоса. Они в меньшей степени, чем мужчины, готовы жертвовать, отказаться от регрессивной интерсубъективности, чтобы стать лингвистическим субъектом, или „Я“, который объективирует и поэтому символически контролирует объект желания. Роль женщины — безмолвное, немое раскрытие невыразимого» (Най 2005: 177).

Для того, чтобы прояснить, что же наши респонденты понимают под «женским», мы попросили их поделиться случаями из практики, иллюстрирующими специфические трудности с переживанием женственности у самих женщин. При этом мы не просили психоаналитиков дать теоретическое определение «женственности» и не вводили своих дефиниций, поскольку хотели выяснить постфактум, что же каждый аналитик понимает под этим словом.

Психоаналитик Анастасия Охотникова, чья практика началась относительно недавно, отметила, что если мужчин интересуют в основном вопросы карьеры, то женщины больше беспокоятся по поводу романтических отношений. В пример она привела истории двух пациенток, которые в той или иной мере пытались воплотить патриархальный концепт женственности — быть притягательным, но недоступным объектом для мужчины, хрупкой и желанной возлюбленной. По мнению Анастасии, в обоих случаях имела место особенная требовательность к мужчинам — так, женщины взимали плату за собственную красоту и сексуальность, поддержание которых стоит усилий.

Однако с точки зрения феминистской критики подобный «обмен» свидетельствует о включенности в патриархальную логику, жертвами которой оказываются пациентки. Так, феминистская писательница и активистка Наоми Вульф пишет: «Культура потребления создает сексуальных клонов — мужчин, которые вожделеют неодушевленные предметы, и женщин, которые готовы быть ими» (Вульф 2013: 212). На вопрос о том, может ли терапевтический эффект предполагать выход из этой ситуации, аналитик ответила, что это не исключено, но вряд ли станет темой интерпретации и не определяет ее понимание случая. По ее словам, выход из патриархата — это не цель анализа, ведь сам по себе патриархат не маркирован для него как симптом.

Феномен, который описывает Анастасия, заставляет вспомнить случай пациентки, который Лакан разбирает в семинаре «Образования бессознательного», уже упомянутом выше. Женщина, о которой говорит французский психоаналитик, хочет привлечь внимание мужчин яркой одеждой и туфлями на высоком каблуке, то есть объективировать себя подобно анализанткам Анастасии. Лакан отмечает, что тем самым она пытается встать на место фаллоса, при этом предостерегая читателей от мысли касательно того, что пациентка хочет стать мужчиной. Напротив, она стремится занять место желаемого объекта, которого мужской субъект лишен в связи с кастрацией: «Когда она желает представить себя имеющей то, чего на самом деле, как ей прекрасно известно, у нее нет, речь для нее идет о чем-то имеющем ценность совсем иного порядка — ценность которую я назвал бы ценностью маскарадной. Другими словами, женственность свою она превращает в маску» (Лакан 2018: 518–525). Таким образом, «женственность» в психоанализе — это парадоксальная и невозможная категория, предлагающая субъекту находится на противоречивой для себя позиции фаллоса, которым этот субъект не является. Феминистская критика может расценить такие концепции как лишаящие женщину самобытности: «Отсюда, „быть“ Фаллосом всегда означает „быть для“ мужского субъекта, ищущего лишний раз утвердить и нарастить свое тождество через признание со стороны этого „бытия-для“» (Батлер 2005а: 424). Однако сами психоаналитики и теоретики психоанализа не склонны сводить лакановские концепции к уничижительным по отношению к женщине. Подобные идеи разделяли большинство опрошенных, хотя некоторые из психоаналитиков-женщин, ангажированные феминистской мыслью, заявили, что данные воззрения нуждаются в некоторой корректировке, но отказаться от самой эпистемологической матрицы полового различия в психоанализе они не готовы.

2.2. Дискурс жертвы и психоанализ

Понятие «жертвы», с одной стороны, напрямую связано с психоанализом как терапевтической практикой, ведь человек, обратившийся за помощью, часто идентифицирует себя с жертвой собственных душевных страданий или негативных ситуаций, связанных с взрослением и детством. В свою очередь, современный феминистский дискурс часто апеллирует к фигуре жертвы, говоря о женщине, которая с рождения страдает в связи с несправедливой ситуацией патриархата. Другими словами, феминизм отождествляет женщину и фигуру угнетенного, делая эту

эквиваленцию основной публичного высказывания, — тем самым предполагается подорвать молчание, обслуживающее патриархат. Сегодня «культура жертвенности» набирает обороты, становясь неким моральным ориентиром: в медиа-поле известны многие кейсы, когда женщины публично рассказывали о пережитых насильственных действиях со стороны мужчин. Мы решили узнать у практикующих психоаналитиков, готовы ли они поддержать подобный дискурс на сеансе. В данном случае мы понимаем дискурс жертвы как жалобу на реальное несправедливое положение вещей, не зависящее от психической реальности пациента, а связанное, в первую очередь, с социальным, расовым и гендерным угнетением.

Многим из опрошенных психоаналитиков оказалось сложно сразу вспомнить случай, когда подобный вопрос становился бы существенным для анализа. Мы полагаем, что это происходит потому, что социально-политический конструкт жертвы способен в определенном смысле вытеснить субъективность, подменяя разговор о бессознательном желании. Однако один из респондентов привел в пример случай, где удачным ходом психоаналитика стала интерпретация фигуры жертвы, продуктивная для анализа: девушка испытывала чрезмерный стыд за то, что недостаточно сопротивлялась, когда над ней совершили насилие, и аналитик отметил, что она сопротивлялась настолько, насколько могла, поэтому данный стыд не объективен и может быть подвергнут интерпретации.

Один из опрошенных нами психоаналитиков (из второй группы) посоветовал своей пациентке «спасаться от бытового насилия бегством». Ее же ответом стало прекращение анализа. В данной ситуации оказалась неуместной попытка вмешательства в психическую реальность пациентки, пусть и верная с точки зрения политического дискурса, акцентирующего внимание на роли жертвы.

Тем не менее многие психоаналитики отметили, что ситуация пациента действительно может оказаться опасна для жизни, поэтому она требует вмешательства со стороны аналитика. Это точно также ставит под вопрос возможность анализа. Так, Александр Смулянский в контексте случая одного пациента прокомментировал сцену из сериала «Большая маленькая ложь». По сюжету, молодая пара обратилась к семейному психологу, но впоследствии героиня пришла на сеанс одна, без мужа. Заметив у нее синяки, специалист догадалась, что та оказалась в ситуации домашнего насилия, и поспешила вмешаться в положение дел. При этом сама героиня стремилась вернуть свои сеансы

в привычное русло, заявляя, что пришла именно за помощью по сохранению брака. Александр указал, что поддерживает решение психолога:

Если мы имеем дело с тем, что можно назвать преступлением, совершающимся на глазах аналитика, или же угрозой жизни пациента, разумеется, аналитик не может не отреагировать, и, по всей видимости, эффективно было бы проявить Идеал Я, указав на то, что существует ситуация, в которой анализ невозможен, но только этим он может быть спасен.

Другой пример привела психоаналитик из третьей группы, которая ранее работала в центре психологической помощи беженцам. Согласно словам респондентки, первая задача таких пациентов — сохранить статус беженца на как можно более продолжительное время, поэтому в своей речи они воспроизводят паттерны жертвы. Таким женщинам можно было оказать психологическую поддержку, но при этом об анализе речи не шло.

Удивительно, отмечает психоаналитик, но терапевтический эффект возник именно у той женщины, которая перестала считать себя жертвой мужа. Она выросла в восточной стране с низким качеством жизни, а через несколько лет замужества вместе с супругом эмигрировала в Европу, где столкнулась с осознанием собственной несвободы. В новом государстве девушка начала задумываться, стоило ли оставаться с мужчиной, который похитил ее и взял замуж насильно. В данном случае проблема стала эффектом вхождения в новые культурные координаты.

П5: Вдруг показалось, что в ее привязанности к мужу есть что-то сильнее... то, что с европейскими идеалами никак не связано. <...> Это ведь вопрос о женственности... Дело в том, что однажды у нее возник вопрос о женственности, и возник он именно после сравнения двух культур: как «у них» и как «у нас». И тогда она поняла, что в европейском мире этому мужу появляется альтернатива. Но потом обнаружился момент любви, как чего-то возникающего по ту сторону желания. <...> Когда муж ее похитил, то ни отец, ни брат за нее не вступились, они выразили отказ, и это очень важно, ведь фигура мужа возникает на месте этого отказа.

Психоаналитик решила не укреплять в сознании пациентки оппозицию жертва-преступник, поскольку ей показалось, что в мыслях пациентки эта бинарность продиктована европейской системой ценностей, которая по сути была ей навязана. Вместо

этого она попыталась помочь девушке вспомнить, каким образом и благодаря чему в своем «первом» мире она пережила травмы и как почувствовала счастье с супругом. Тогда обнаружилась «нежная любовь к мужу», благодаря которой стало возможным как продвижение в анализе, так и улучшение самочувствия пациентки.

Заметим, что подобную психоаналитическую интерпретацию, которую на первый взгляд можно было бы обвинить в патриархальности, можно также прочесть и как деколониальный жест, в том числе и в феминистском ключе. Сделать это позволяет понятие *колонийности гендера* в значении, введенном Марией Лугонес (Lugones 2016). Как пишет Магина Тлостанова в книге «Деколониальные гендерные эпистемологии», по мнению Лугонес «колониальная модерность принесла с собой гетеросексуальное диморфное толкование пола и иерархическую дихотомию мужчина/женщина, которая стала знаком принадлежности человеческой цивилизации» (Тлостанова 2009: 103). То есть западное общество не только принесло в другие культуры собственные гендерные матрицы, но и закрепило за ними значение единственно верных. Поэтому европейская реальность, к которой принадлежит психоаналитик, провоцирует ее встать на защиту этих паттернов поведения. Однако аналитик сосредотачивает внимание на словах пациентки в тот момент, когда она говорит о любви, хотя колониальное требование заставляет ее попытаться развеять это чувство.

При этом, в отличие от гендерных исследовательниц, респондентка считает, что вопрос о женственности лежит вне каких бы то ни было культурных парадигм: расовых, классовых, гендерных и других. Данное мнение является примером фундаментального разрыва между лакановским психоанализом и гендерно-ориентированным феминизмом. Последний воспринимает «женственность» как модель поведения, произведенную в рамках каких-либо больших нарративов — политических, языковых, идеологических и так далее.¹

¹ В данном случае иллюстративным примером служит книга Батлер «Психика власти», в которой, следуя за мыслью Фуко, она пытается показать, что психический аппарат субъекта произведен властными институтами. По мнению Батлер, если психоанализ считает, что бессознательное субъекта вступает в конфликт с символическим законом, производя тем самым раздробленную идентичность, то для Фуко конфронтация «бессознательное-символическое» уже включена в порядок закона. То есть бессознательное вовсе не восстает против внешнего порядка — социального, политического, культурного, — наоборот, оно включено в него изначально: «Там, где Лакан ограничивает понятие социальной власти областью символического и делегирует сопротив-

Описываемый случай можно сравнить с эпизодом в терапевтической практике Лакана. Одна его пациентка испытывала каждодневную тревогу в пять утра. В этот час во времена ее детства гестапо искало евреев в городе, в связи с чем вся семья женщины была вынуждена в страхе скрываться. В какой-то момент сеанса Лакан встал с кресла, подошел к пациентке и провел рукой по щеке, закончив на этом встречу. Его интерпретация заключалась в созвучии слова «гестапо» и фразы «*geste à peau*» — «жест по коже». Психоаналитический смысл данного действия кроется в смещении, которое производится относительно речи говорящего и того запроса, который в нее заложен. Так, Лакан не стал сосредотачиваться на самой травме и ситуации Холокоста, повлекшего ее, однако прочитал слова женщины в контексте языковой игры, показав неоднозначность и двусмысленность изначального запроса, что вызвало терапевтический эффект. Подобный метод использовала и психоаналитик в работе с пациенткой-беженкой. Ее задачей является не анализ содержания высказывания *per se*, даже если оно и отсылает к дискурсу жертвы, но обнаружение скрытых контекстов, смещение в сторону неочевидных смыслов. «Отсутствие речи обнаруживает себя в стереотипах дискурса, где субъект не столько говорит, сколько сказывается» (Лакан 1995: 50), — подчеркивает Лакан, пытаясь показать, что смысл психоаналитической работы заключается в практике обнаружения себя говорящим, в выпадении из холостого хода языка.

Понятие травмы для психоанализа не исчерпывается дискурсом жертвы и отсылает к желанию, которое всегда за ним обнаруживается. Стоит отметить, что Лакан различает требование и желание. Первое представляет собой артикуляцию потребности, второе же имеет метонимическую структуру, обозначая скрытое обращение к Другому. Любая речь пациента уже является требованием, однако задача аналитика сводится к смещению его в неустойчивую область желания, являющегося причиной любого говорения: «Желание является той осью <...>, с чьей помощью приводится в действие стихия силы, инерция, кроющаяся за тем, что формулируется поначалу, в речи пациента, как его требование» (Лакан 2004: 251). Поэтому психоанализ изначально пытается изъять субъекта из речи о собственном сознательном опыте, деструктивном или нет, столкнув его с бессознательным желанием, разыгрывающимся по ту сторону слова,

ление воображаемому, Фуко предлагает новое понимание символического как отношений власти и полагает сопротивление эффектом власти» (Батлер 2002: 86).

действия или намерения: «Преодоление плоскости идентификации, путем сепарации субъекта в опыте, возможно постольку, поскольку желание аналитика, оставаясь x , величиной неизвестной, устремляется в прямо противоположную идентификации сторону. Опыт субъекта приводится, в результате, в ту плоскость, где налицо окажется, как элемент реальности бессознательного, влечение» (Там же: 290).

Как показали приведенные нами примеры, политизированные интерпретации, часто включающие вмешательство в реальность, не имеют цели обнаружить бессознательное желание субъекта, поэтому часто от них вынуждены отказываться даже психоаналитики-феминисты. Значительность данного различия отметили все респонденты, столкнувшиеся с вопросом насилия на практике. Двое из них обратили особенное внимание на феномен бессознательной вины. Тогда как в политическом дискурсе вина предстает скорее побочным чувством, которое жертва не должна испытывать, чем-то вроде эффекта дискурса жертвы, для психоанализа вина становится менее очевидным симптомом, принадлежащим субъекту в полной мере, и значение этого симптома не может быть заранее определено.

В данной части статьи мы анализировали отношения психоаналитической практики и политического дискурса на примерах рассуждений аналитиков из всех трех групп, обозначенных в предыдущей части. Важно отметить, что если по вопросу гражданской позиции нам удалось заметить существенные различия в мнениях респондентов, то в том, что касается работы с «мужским» и «женским» на практике и проблем угнетения женщин, полярность снижается, поскольку разные аналитики придерживаются примерно одних и тех же взглядов в вопросах пола. Из этого следует, что взаимосвязи между ответами на воззрения относительно пола и гражданской повестки обнаружить не удалось. Чтобы дополнить картину для читателя, прибавим к уже приведенным примерам два теоретических ответа на вопрос о том, как должен психоаналитик обращаться с политическими жалобами:

Психоаналитик из группы № 2:

Первый ход, который должен сделать психоаналитик, если человек говорит про подобное — также сделал Фрейд с Дорой, у которой как раз была проблематика эксплуатации женщин, — состоит в том, чтобы не подвергать это сомнению. С одной стороны, все ее жалобы можно расценить как адекватные... А дальше можно начать разбираться, откуда взялся этот императив, говорить

с пациентом на уровне, который вводит измерение психической реальности... где появляется означающее (находящееся за пределами политического). Тогда появляется бессознательное, вытесненное, и объект становится более загадочным, чем в контексте сознательного дискурса.

Психоаналитик из группы № 3:

Касательно тех возможных нарративов, которые могут возникнуть в анализе по поводу социального неравенства, понимаете, характер аналитического слушания таков, что он все-таки нацелен на сингулярное, он нацелен на означающие, которые буквально вмурованы в судьбы влечения субъекта, и эти означающие несут ребусный характер, а не смысловой. Его смысл не найдешь в словаре. И даже если мы слышим такой нарратив в кабинете, нет никакой необходимости размещать его, скажем, в рубрику борьбы полов или в какую-то еще рубрику сексизма... Скорее... Цель аналитического слушания заключается в том, чтобы проверять это на предмет ребусного и на предмет сингулярного означающего, а не располагать это на как бы уже понятной сцене. И я бы также отметила, что (в контексте анализа) идея борьбы всегда окрашена чем-то воображаемым.

При сильной разнице стилей речи данных респондентов они, апеллируя к разным, но взаимосвязанным аспектам психоаналитической теории, в сущности, пытаются донести одну и ту же мысль: саму жалобу, например, на сексизм, с психоаналитической точки зрения просто невозможно сочетать с продуктивной аналитической работой, если только не сместить эту жалобу в поле интерпретации бессознательного желания. В ходе интервью мы установили, что для всех психоаналитиков является важным именно такой способ интерпретации, поэтому, несмотря на возможное расхождение взглядов, их практические решения и подкрепляющая их теоретическая база оказались схожи.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что личное отношение психоаналитика к феминизму и интерес к феминистскому психоанализу не оказывают существенного влияния на принцип психоаналитической интерпретации и на методы психоаналитической работы в целом.¹ Чтобы дать этому допол-

¹Здесь стоит отметить, что существует различие в практических методах аналитической работы, которое можно соотнести с вопросом о свободе проявления личных позиций аналитика, в том числе и политических. Психоаналитик Шандор Ференци поднимает проблему саморепрезентации аналитика в связи с вопросом о том, может ли аналитик ошибаться, и должен ли об этом знать пациент. Он приходит к выводу,

нительное объяснение, мы бы хотели вернуться к идее об отражающейся на мышлении психоаналитиков амбивалентности дискурса и развить ее, обратившись к социологии знания Питера Бергера и Томаса Лукмана. Согласно этим авторам, социальная реальность конструируется в зависимости от субъективных реальностей индивидов, для которых основной единицей является знание (субъективные значения и коллективные представления). Социальная реальность в целом, как и субъективная реальность каждого индивида, является подвижной, и в условиях плюрализма современных обществ существующие системы знаний, конституирующие для индивидов и посредством индивидов разные реальности, с одной стороны, должны обладать по отношению друг к другу определенной степенью толерантности, а с другой — находиться в условиях конкуренции. Причем важно, что вместе с плюрализмом систем знаний появляется плюрализм идентичностей, при котором подразумевается, что самоопределение понимается как разыгрывание ролей: «Растет общее сознание релятивности *всех* миров, включая и свой собственный, который теперь осознается, скорее, как *один* из миров, а не как *Мир*. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как „роль“, от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно „разыгрывать“ под манипулятивным контролем» (Бергер, Лукман 1995: 278). На наш взгляд, именно эта ситуация плюрализма идентичностей характеризует сосуществование в психоаналитической среде различных отношений к феминизму наряду с полным отсутствием различий в обращении с вопросами, касающимися феминизма, на практике. С одной стороны, теоретическая деятельность в области психоанализа и публичные высказывания предполагают для психоаналитика соприкосновение с другими системами знаний. Сочетание этих систем знаний оказывается возможным, поскольку этика психоанализа предполагает од-

что если пациент, заметив ошибку аналитика, будет пытаться подавить в себе эту идею, или аналитик решит трактовать любое подобное замечание пациента (независимо от его точности) как сопротивление, это лишь создаст препятствия для анализа. Однако существуют аналитики, которые не считают, что подобная стратегия вредит анализу. Стремление быть нейтральным может дойти, например, до идеи появляться перед пациентом исключительно в одной и той же одежде (реально существовавшая когда-то за рубежом традиция, о которой нам рассказали респонденты, не поддерживающие подобные практики). Как нам кажется, вопрос о том, может ли аналитик ошибаться, вместе с двумя вытекающими ответами, распространяется в целом на поднятую нами здесь проблему свободы, которую должен иметь аналитик в выражении своих идентификаций, не связанных с психоаналитическим дискурсом.

нозначность лишь в позиции по отношению к политическим вопросам, не охватывая при этом формы, в которых существует подобное феминизму политическое знание. С другой стороны, практика психоанализа, будучи изолированной от других дискурсов пространством кабинета и благодаря этой изолированности, не обязательно должна учитывать плюрализм систем знаний, поэтому может разворачиваться в условиях, подобных условиям монополии. Это также объясняет легкость, с которой психоаналитики, хорошо знакомые с теорией феминизма и называющие себя феминистами и феминистками, могут оставаться равнодушными к претензиям со стороны феминизма и попыткам создания феминистского психоанализа.

3. Несовместимость психоаналитического и политического в теории

3.1. Психоаналитическое знание сталкивается с политическим требованием

Даже самые политически ангажированные из наших респондентов испытывали трудности при попытке помыслить психоаналитическое знание в русле политических нарративов. Это касается, например, принципиальных для сегодняшнего дня дискуссий вокруг толерантности или этики. Возможно, ярче всего это иллюстрирует комментарий одной из респонденток по поводу практики смены пола.

Пб: В одном из семинаров речь идет о том, что они путают фаллос и пенис... Лакан, конечно, это рассматривал как путаницу Символического и Воображаемого, но другое дело, что бессмысленно... Это можно обсуждать с коллегами как путаницу, но бессмысленно делать это знание культурным... Понятно, что для людей, которые меняют пол, это становится очень важным вопросом, и это плохо, если в культуре будет такое знание, что они просто что-то перепутали.

Если сами психоаналитики утверждают, что попытка сделать психоаналитическое знание общекультурным будет иметь плохие последствия, то в какую позицию это ставит психоанализ? Данное утверждение может означать не только невозможность этого знания состояться в качестве общедоступного, но и своего рода стремление сохранить его тайным, в стороне от публичного поля.

Также несколько из опрошенных женщин-психоаналитиков указали на несоответствие между реальным устройством пси-

хоаналитического сообщества и следствиями из теории, которые будто бы предполагают, что это сообщество должно быть устроено иначе. От них мы получили свидетельства, согласно которым, с одной стороны, психоанализ, особенно лакановский, претендует на специфическую этику, подразумевающую понимание мужественности и женственности вне рамок пресловутой бинарности. С другой стороны, на практике женщины-аналитики сталкиваются с проявлениями сексизма внутри сообщества. Неправильно было бы утверждать, что это сообщество устроено точно так же, как и любое другое. Однако некоторые проблемы внутри него действительно ничем не отличаются от тех структурных социальных проблем, которыми обеспокоены современные феминистки. На это обращают внимание несколько респонденток. Другая респондентка, Майя Кугушева, не говорит о конкретных примерах столкновения с сексизмом, но дает важный комментарий о том, может ли он возникнуть в сообществе и почему:

Мне кажется, «фишка» в том, что в психоанализе об этом... наверное, было бы странно говорить и замечать это — по простой причине, что в психоанализ человек приходит прежде всего через свой анализ, через свой собственный симптом. И если ты в сообществе психоаналитическом, если ты себя называешь психоаналитиком, понятное дело, что ты со своим симптомом, желанием психоаналитика работаешь, и эти вопросы (связанные с личным сексизмом, если они есть у человека. — Прим. авт.), они, естественно, возникают в кабинете психоаналитика. И тогда этот вопрос уже можно задать человеку: как ты так работаешь со своим симптомом, что ты делаешь со своим желанием, когда ты в сообщество явные такие симптомы привносишь.

С одной стороны, перед нами достаточно обнадеживающее описание сексизма как симптома, который психоанализ способен устранить. В таком случае можно было бы предположить, что с неуважением и насилием в этой среде сталкиваются меньше, чем в других сообществах. Однако стоит обратить внимание на следующий факт: все психоаналитики, открыто выражающие свою гражданскую позицию, либо рассказали о существовании сексизма в профессиональных кругах, либо с большой вероятностью допустили его существование. Психоаналитики, сохранившие свою политическую позицию в секрете, отметили, что лично с подобным не сталкивались, и предпочли уйти от разговора, не рассуждая на данную тему.

3.2 Знание, которое трудно принять психоанализу

Поскольку большинство наших респондентов — психоаналитики лакановского направления, характеристика кризиса, которую мы сейчас предложим, относится именно к школам этого направления. Несмотря на то, что Фрейд неоднократно пытался разработать научную базу для психоанализа и считал психоанализ наукой, Лакан подчеркивал, что самоопределение психоанализа требовало самостоятельного языка, не сводящегося к сугубо научному и философскому дискурсу.¹ Попытка занять принципиально иную позицию относительно уже существующих форм знания предполагало определенную изоляцию психоанализа в том числе от этического измерения, затрагивающего интересующие феминизм политические вопросы.

В тексте «„От всего сердца я призываю к мутации психоанализа“: что происходит сегодня между психоаналитиком и интеллектуалом» психоаналитик Александр Смулянский затрагивает эту проблему, рассуждая о фигурах психоаналитика и интеллектуала (Смулянский 2021). Также в тексте содержится комментарий по поводу конфронтации между главой ведущей лакановской школы Жаком-Аленом Миллером и квир-философом Полем Пресьядо. Согласно Смулянскому, между ними изначально существовало противоречие, которое вскрывается с вхождением Лакана в университетскую среду. Это противоречие выливается в то, что психоанализ упрекают в сведении любой критики к симптому.² Смулянский в конечном итоге при-

¹ Лакан неоднократно критиковал научный и философский способ познания: «В науке субъекта полагают, в конечном итоге, лишь в плоскости сознания. <...> Субъектом он является постольку, поскольку представляет собой отражение, зеркало, носителя объектного мира. Фрейд же, напротив, показывает нам, что в человеческом субъекте существует нечто говорящее, говорящее в полном смысле слова, то есть глушее — глушее со знанием дела и вне участия сознания» (Лакан 2009: 256–257). А также: «К сожалению, философия выказывает слишком много признаков старения, и это довольно-таки любопытно. Хайдеггер, например, артикулировал пару-тройку внятных вещей. И все же прошло очень много времени с тех пор, как философия сообщала что-то, что могло бы заинтересовать всех» (Лакан 2021). Обосновать обособленность психоанализа от этих дисциплин он попытался в ходе семинара «Изнанка психоанализа», когда описал функционирование четырех дискурсов: господского, истерического, университетского и аналитического (Лакан 2008). При этом философия относится к дискурсу господскому, а наука — к университетскому. Психоанализ же, согласно Лакану, является отдельным дискурсом.

² Смулянский акцентирует внимание на несостоятельности высказывания Миллера, контраргумент которого состоит в том, чтобы обвинить собеседника в безумии и превратить его теоретические упреки в симптом. Кроме того, автор отмечает несовершенство позиции ле-

ходит к тому, чтобы обвинить, в свою очередь, интеллектуала в непонимании того, с чем он имеет дело в лице психоанализа. Мы хотим отметить, что если непонимание действительно имеет место, то его причиной вряд ли является небрежное чтение.

Многие из опрошенных нами аналитиков, ссылаясь на статью Фрейда «Конечный и бесконечный анализ» (Фрейд 2016), говорят об особенности мужской позиции в анализе, которая затрудняет решающую в анализе задачу «принять нечто от аналитика». И наоборот — женская позиция предполагает возможность нечто принять, поэтому в той или иной мере любой мужчина, находящийся в анализе, должен научиться обращаться к женской позиции. Во время интервью психоаналитик Нигина Шаропова, комментируя общую ситуацию, а также опираясь на личный опыт обсуждения идей феминизма в психоаналитическом сообществе, предположила, что связываемая с мужской позицией сложность принятия чего-то от другого характеризует отношения психоанализа и феминизма. Это наводит нас на мысль о том, что за феминистским сообществом можно предположить знание в области политического, с принятием которого психоаналитический дискурс испытывает трудности.

Конфликт, который описал Смулянский, мы можем понимать с этой точки зрения, предполагая наличие подобной позиции с обеих сторон. Несовместимость, отмеченная многими авторами, представляется отсутствием общего языка, и нам кажется существенным отметить, что для нас это также значит отсутствие у психоаналитического дискурса достаточного инструментария для того, чтобы говорить о политическом. Как показывает практика, противоречие не получает разрешение одним только сведением упреков со стороны интеллектуалов к симптому. Кроме того, какой бы точной в данном случае ни была психоаналитическая интерпретация, она становится слишком похожей на спекуляцию. Таким образом, хотя психоанализ — по уже описанному нами и совсем не надуманным причинам — не может занять политическую позицию, он тем не менее неразрывно связан с интеллектуальным полем, нахождение в котором с необходимостью предполагает если не наличие политической позиции, то наличие более удачного способа обойтись с политическим. Тогда как возникающая схожесть интерпретации и спекуляции

вого интеллектуала: «Намереваясь просвещать психоанализ с позиций постколониализма, интеллектуал комичным образом воссоздает классический колониальный образчик ментора, адресующегося к мигрантским сообществам, якобы лишенным доступа к высшим образовательным гуманитарным достижениям» (Смулянский 2021).

может свидетельствовать о том, что субъект психоанализа сам испытывает симптом, который оказывается неучтенным.

Выводы

В рамках нашего исследования мы установили, что почти столетний конфликт психоанализа и феминизма переживает новую стадию, по крайней мере, в среде современных российских психоаналитиков лакановской школы, принадлежащих к разным ее ответвлениям. Так, большинство опрошенных с интересом смотрят на идеи как феминизма, так и феминистского психоанализа, но при этом не могут полностью их разделить, так как, по их мнению, это повлечет отказ от многих фрейд-лакановских концепций. Подавляющее число интервьюируемых также отметило, что основные объекты феминистской критики, такие как патриархат и гендерное неравенство, не являются сколько-нибудь важными в психоаналитической работе. Лишь два респондента ответили, что считают сексизм и другие аспекты патриархата существенными для клинической практики и психоаналитической теории. То есть большинство наших респондентов готовы согласиться с доводами феминизма в качестве неких общечеловеческих ценностей, но при этом они не считают феминизм новым знанием, способным обогатить психоаналитическую мысль.

Это, с одной стороны, свидетельствует о продолжающейся непримиримости психоанализа и феминизма (по крайней мере, со стороны первого), но с другой — говорит об удобной позиции, которую нашли для себя многие психоаналитики. Они решаются принять чуждые для себя концепции, потому что требование с ними согласиться выдвинуто ультимативно и бескомпромиссно, однако на практике оказывается, что цена этого принятия слишком высока, ведь она обязывает пересмотреть фундаментальные основания психоаналитического предприятия. Здесь и появляется необходимость важной оговорки: всякая ангажированность (в том числе феминистская) может быть принята психоаналитиком только как членом социума, но не как психоаналитиком. Таким образом, не только пространство кабинета оказывается в радикальной изоляции от общественно-политической жизни, но и идентичность психоаналитика раскалывается на две: «социальную» и «кабинетную». Также в словах некоторых респондентов мы усмотрели желание уйти от дискуссии, касающейся не только феминизма, но и всякого разговора о гражданской позиции. Они предпочли остаться

в рамках сугубо аналитического поля, что также, на наш взгляд, свидетельствует о кризисе положения психоанализа в современном обществе.

Выражаем благодарность участвовавшим в интервьюировании психоаналитикам: Ольге Бронниковой, Александру Бронникову, Марии Есипчук, Глебу Напреенко, Михаилу Страхову, Айтен Юран, Виктору Мазину, Анастасии Охотниковой, Нигине Шароповой, Майе Кузушевой, Елене Костылевой, а также респонденту, пожелавшему остаться анонимным.

Библиография

- Батлер, Джудит (2002). *Психика власти: теории субъекции*. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Батлер, Джудит (2005а). «Лакан, Ривьер и стратегии маскарада». В кн.: *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*. Под ред. Л. Бредихиной, К. Дипуэлл, 422–442. М.: РОССПЭН.
- Батлер, Джудит (2005б). «Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар». В кн.: *Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии*. Под ред. Э. Гарри, 292–303. М.: РОССПЭН.
- Бергер, Питер, Лукман, Томас (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медум.
- Вульф, Наоми (2013). *Миф о красоте. Стереотипы против женщин*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Жеребкина, Ирина, ред. (2001). *Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие*. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Лакан, Жак (1995). *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. М.: Гнозис.
- Лакан, Жак (2004). *Четыре основные понятия психоанализа. Семинары: Книга XI (1964)*. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2008). *Изнанка психоанализа. Семинары: Книга XVII (1969/1970)*. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2009). «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары: *Книга II (1954/1955)*. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2010). «Значение фаллоса». *Международный психоаналитический журнал*, № 0: 7–20.
- Лакан, Жак (2011). *Еще. Семинары: Книга XX (1972/1973)*. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2018). *Образования бессознательного. Семинары: Книга V (1957/1958)*. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2021). «Торжество религии». *Сигма*. <https://syg.ma/@noodletranslate/zhak-lakan-torzhestvo-rielighii>.
- Най, Андреа (2005). «Глас Змия: французский феминизм и философия языка». В кн.: *Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии*. Под ред. Э. Гарри, 270–288. М.: РОССПЭН.
- Олешкевич, Валерий (2002). *История психотехники*. М.: Академия, 2002.
- Смулянский, Александр (2021). «„От всего сердца я призываю к мутации психоанализа“: что происходит сегодня между психоаналитиком и интеллектуалом». *Colta*. <https://www.colta.ru/articles/society/27735-aleksandr-smulyanskiy-psihoanalitiki-intellektualy-vlast>.
- Тлостанова, Мадина (2009). *ДекOLONиальные гендерные эпистемологии*. М.: Маска.
- Фрейд, Зигмунд (1925). «Некоторые психические следствия анатомического

- различия полов». Библиотека Гумер. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/nek_psih.php.
- Фрейд, Зигмунд (2016). *Конечный и бесконечный анализ*, в Фрейд, Зигмунд, *Хрестоматия*, в 3 т., т. 1. М.: Когито-Центр.
- Lugones, Maria (2016). "The Coloniality of Gender." In *The Palgrave Handbook of Gender and Development*, ed. W. Harcourt, 15–33. London: Palgrave Macmillan.
- Marsilli-Vargas, Xochitl (2016). "The Offline and Online Mediatization of Psychoanalysis in Buenos Aires." *Signs & Society* 4, № 1: 135–153.
- Paugam, Serge, ed. (2012). *L'enquête sociologique*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Riviere, Joan (1929). "Womanliness as a Masquerade." *International Journal of Psychoanalysis* 10: 303–313.
- Turkle, Sherry (1978). *Psychoanalytic Politics: Freud's French Revolution*. New York: Basic Books.